

Глава 1. Гордость рыбака

В прекрасном и таинственном Сянси, среди гор и тихих вод, притаился городок под названием Фужун. В эпоху Мин его знали как деревню Ван.

Там, за высокой оградой, скрывалось старинное поместье Юй. Красные стены, изумрудная черепица, резные балки и расписные карнизы — всё в нём дышало благородством и строгостью былых времён. Древняя мудрость гласит: если имя рода гремит слишком громко, процветание не продлится дольше трёх поколений. К тому времени, когда наследником стал Юй Чуцю, от былого величия остался лишь он сам — тихий восемнадцатилетний учёный, в одиночестве оберегающий покой родового гнезда.

Деревня стояла у воды. Река Юшуй, связывающая Сычуань и Гуйчжоу с Хубэем и Лучжоу, была щедра к тем, кто жил на её берегах. Благодаря удобству речного пути деревня Ван превратилась в оживлённую пристань. Мужчины здесь по большей части занимались торговлей и вечно пропадали в разъездах, а женщины тянули на себе все тяготы: пряли, пахали и сеяли.

Юй Чуцю, истинный книжник, не был рождён для тяжёлого труда. Его руки не знали плуга, а плечи — коромысла. Чтобы не умереть с голоду, он отдал просторную гостиную своего поместья под сельскую школу. Днём, когда женщины уходили в поле, над поместьем Юй далеко разносились звонкие детские голоса, нараспев читающие классические тексты. На ту скромную плату, что приносили ученики, Юй Чуцю и перебивался.

В один из мартовских дней, когда над Сянси зарядили мелкие, пронизывающие дожди, Юй Чуцю, проводив последнего ученика, возвращался домой. Прижав к груди стопку тетрадей и укрываясь бумажным зонтом, он мерно шагал по мокрым камням узкого переулка.

Не дойдя пары шагов до своих ворот, он замер. Сквозь пелену дождя Юй Чуцю разглядел у порога незнакомца. Юноша, примерно его лет, в расшитых белых одеждах, стоял под навесом крыши. Прислонившись к каменному льву, он задумчиво смотрел вдаль, не замечая приближения хозяина. Дождь серебрил его длинные чёрные волосы мелкими каплями, похожими на россыпь сахара.

Юй Чуцю неслышно подошёл ближе. Посмотрев на намокшие пряди незнакомца, он молча прикрыл его своим зонтом, ничуть не заботясь о том, что сам оказался под дождём.

Юноша вскинул голову. Он удивлённо распахнул миндалевидные глаза, а тонкие губы его чуть приоткрылись. На лице промелькнуло мимолётное беспокойство. Юй Чуцю, никогда прежде не видевший столь ослепительной красоты, на мгновение забыл, как дышать. Осознав свою оплошность, он смущённо отвёл взгляд.

— Это ваш дом? — спросил незнакомец. Голос его звучал резковато, почти высокомерно.

—... — Юй Чуцю растерялся.

— Есть ли здесь свободные комнаты? Я хочу остановиться у вас, — юноша нахмурился, недовольный молчанием собеседника.

— Это не постоянный двор, — холодно ответил Юй Чуцю. Сохраняя достоинство, он вложил зонт в руку гостя, освобождая себе ладонь, чтобы отпереть замок.

— Но здесь нет никаких постоянных дворов, я уже всё обошёл. Ван-дама с пристани сказала, что в вашем поместье полно пустых покоев.

Юноша чуть склонил голову, позволяя влажным прядям играть на ветру. Вдруг он лукаво прищурился и, словно искушая, добавил:

— Я заплачу. Больше, чем взял бы любой хозяин гостиницы.

— Хм!

Юй Чуцю вспыхнул. Возмущённый до глубины души, он с грохотом захлопнул дверь прямо перед носом ошеломлённого незнакомца, который так и не понял, чем задел хозяина.

Но не успело пройти и мгновения, как дверь снова приоткрылась. Не дав гостю вставить и слова, Юй Чуцю ловко выхватил свой зонт. Снова раздался тяжёлый стук засова, и в переулке воцарилась тишина.

Юй Чуцю отошёл от двери, но тут же замер. Снаружи донеслись тихие, жалобные всхлипы. Книжник прислонился к створке, невольно прислушиваясь к причитаниям.

— У-у-у... Отец, сын твой — никчёмный человек... О-о-о... Ты говорил, что в роду Юй все — люди благородные и просвещённые, говорил, что я могу прийти к ним за помощью... Но... — раздался громкий шмыг носом. — Твои «добрые люди» выставили меня за дверь! Мне некуда идти... Придётся ночевать прямо на улице...

Человек за дверью рыдал так горько, будто его сердце разрывалось на части.

Юй Чуцю вовсе не был прижимистым. Он часто пускал путников на ночлег. Беда была в том, что незнакомец начал не с того: в каждом его слове сквозило высокомерие богатства. А Юй

Чуцю, хоть и был бедным учёным, обладал гордостью, которая не позволяла ему гнуть спину ради выгоды. Его род когда-то был великим, и пусть теперь дом пришёл в упадок, честь предков он не мог уронить.

И всё же, как только гнев утих, сердце книжника дрогнуло. Он подумал, что, возможно, и сам повёл себя не слишком достойно, забыв о правилах приличия.

Раздался жалобный скрип — дверь отворилась.

— О-о-о-о! Батюшка! Я шёл сюда от самого Циньхуая, терпел нужду, скрывался от диких зверей и разбойников! Сколько насильников и воров встретил на своём пути! Из последних сил отыскал поместье Юй, а он... а он... У-у-а-а-а!

Завидев хозяина, незнакомец запричитал ещё громче. Юй Чуцю, терзаемый виной, украдкой взглянул на «брошенную женушку», которая сидела на пороге, обливаясь слезами.

Их взгляды встретились.

Юй Чуцю смущённо опустил голову, нервно переплетая пальцы. Он не решился посмотреть в покрасневшие глаза гостя и потому не заметил, как тот в самый последний момент ловко спрятал в рукав... здоровенную луковицу!

В ту же ночь незнакомец занял одну из лучших комнат в поместье. И остался в ней надолго.

Это была история, старая как мир, и в то же время совершенно обыденная.

Ян Ихай был сыном опального чиновника, не дожившего до его рождения. Его жизнь сделала крутой поворот, когда истощённая мать, у которой от голода пропало молоко, приползла к воротам «Дворца Без Ночи» — самого большого борделя на берегу Циньхуая — и упала на колени.

Мать прожила недолго. Возможно, её подкосила тоска по мужу, а может — стыд перед сыном. Ян Ихайю было всего пять, когда он, ничего не понимая, смотрел, как по приказу хозяйки тело матери завернули в соломенную циновку и сбросили в ров у крепостной стены. Его самого в тот же день затолкали в повозку работорговца.

Следующие тринадцать лет он провёл в «Дворе Вечной Весны».

«Ветер и цветы врываются во Двор Вечной Весны, свечи и фонари сияют в Городе Без Ночи», — как писал Су Дунпо. То были времена, когда презирали бедность, но не порок.

С тех пор как Ян Ихай начал что-то осознавать, его учили мастера. Игре на цине, шахматам, каллиграфии, живописи, танцам и искусству беседы. Не ради славы или чинов, а лишь для того, чтобы услаждать взор знати, разливать вино и торговать улыбками.

В этом мире бесконечных сделок, где судьбы покупались и продавались, Ян Ихай слишком рано познал изнанку жизни. Вглядываясь из окна в огни на реке, он научился видеть людей насквозь и перестал ждать чудес.

В пятнадцать лет он смирился со своей участью.

Он уже готовился с улыбкой встречать первых гостей, но внезапно начал быстро расти. Лицо, в детстве нежное и точёное, как у матери, стало обретать суровые, мужественные черты отца. С того дня Ян Ихай перестал пользоваться успехом. Не потому, что он был дурён собой, — напротив, он стал слишком статен и красив. Гостям не хотелось обнимать сяогуаня, который был выше и благороднее их самих. Им подавай нежных, хрупких созданий, подобных ивовым ветвям на ветру!

Пока другие принимали гостей, он лишь подносил вино. Хозяин осыпал его проклятиями, сяогуани — насмешками. Ян Ихай не знал, проклятие его внешность или дар.

«У каждого своя доля», — вздыхала когда-то мать. И Ян Ихай повторял эти слова тысячи раз.

Он видел, как разбивались сердца первых красавиц, как они сходили с ума или кончали с собой. Слышал, как знатные покровители бросали своих любимцев, и те уходили в монастыри. Он понял одно: рассчитывать можно только на себя.

И он начал копить.

Весной, когда ему исполнилось восемнадцать, Ян Ихай с пятьюдесятью тысячами лянов в кармане тайно взошёл на торговое судно, идущее на запад.

— Куда путь держите, господин? — спросил моряк.

— Не знаю. Куда вода принесёт... — горько усмехнулся Ян Ихай.

Он стоял на носу корабля, глядя на рыбацкие огни в ночи. Мир был огромен, но найдётся ли в нём место для него?

Через полмесяца судно вошло в воды Хунани.

Ян Ихай миновал шумный Нанкин, изящный Учжэнь и строгий Чжоучжуан. Но стоило ему увидеть этот дикий, таинственный край, как он не смог отвести глаз.

Сойдя на берег, он помахал рукой морякам. Расспросив Ван-даму, что стирала бельё у самой воды, он поднялся по скользкой горной тропе к единственному дому, где давали приют, — к поместью Юй.

— Изначально природа человека добра. По природе люди близки друг другу, но по привычкам...

На второй день своего пребывания в деревне Ван Ян Ихай проснулся под стройный хор детских голосов. Он сладко зевнул и уже хотел было повернуться на другой бок, но вдруг распахнул глаза. Он вспомнил, что теперь живёт у «старика» Юя и больше не обязан спать днём, чтобы бодрствовать ночью.

Почувствовав необычайную лёгкость, он вскочил, набросил тонкое платье и вышел на галерею второго этажа. Опершись локтями на перила, юноша стал наблюдать за тем, что происходило внизу. В тенистом дворике Юй Чуцю, мерно прохаживаясь, наставлял учеников. Одной рукой он поглаживал свою козлиную бородку, в другой держал книгу.

— Сие означает, — мягко пояснял он, — что все мы рождаемся добрыми. Но условия, в которых мы растём, и то, чему учимся, делают наши характеры разными. Помните: если не прикладывать усилий к учению, доброе начало в вас может угаснуть...

— Чуцю, выйди на минутку! — раздалось от ворот.

Учитель прервал урок. Из дверей выглянула Ван-дама с корзиной яиц, расплываясь в приветливой улыбке. Юй Чуцю велел детям вести себя тихо и поспешил к гостю.

Стоило ему выйти, как во дворе началось столпотворение. Мальчишкам, которым не было и десяти, дисциплина давалась с трудом.

Ян Ихай, глядя на их шалости, не выдержал и рассмеялся. В этот момент один из учеников, крепкий карапуз лет пяти, заметил его.

— А! — воскликнул малец, указывая пухлым пальчиком на галерею. Он сидел, задрал голову и опасно раскачиваясь на стуле — настоящий вожак маленьких разбойников.

Все взгляды тут же устремились вверх. Ян Ихай ничуть не смутился. Напротив, он улыбнулся ещё шире, с интересом разглядывая притихшую толпу.

— Ты кто? — раздался тоненький голосок. Четырёхлетний кроха, склонив голову набок, с любопытством смотрел на незнакомца.

Ян Ихай лукаво подмигнул:

— Стоило вашему наставнику выйти, как вы решили устроить переполох? Я — бессмертный, которого ваш учитель пригласил охранять этот дом.

С этими словами он перемахнул через перила и, лихо проскользив по гладким деревянным перилам лестницы, спрыгнул вниз. Полы его одежд взметнулись, как крылья. Ян Ихай замер, довольный произведённым эффектом, глядя на детей, чьи рты раскрылись от изумления.

— О-о-о! Настоящий небожитель! Он летает! — закричал кто-то.

— Круто! Я тоже так хочу!

— Летать! Летать!

Ян Ихай ещё наслаждался своим триумфом, когда дети, как стая воробьёв, бросились на второй этаж. Они наперебой лезли на перила, пытаясь повторить его трюк.

— Ох, беда! — ахнул юноша и бросился наперерез.

Через мгновение он уже держал по ребёнку под мышками, а ещё один висел у него на шее. Пока он обливался потом, пытаясь стащить сорванцов вниз, во дворе раздался строгий голос:

— Вы что, наказания захотели? А ну-ка живо вниз и по местам!

— Ой, наставник вернулся!

Дети, которые секунду назад напоминали табун диких лошадей, мигом присмирели. Стоило Юй Чуцю показаться во дворе, как они бросились к своим столам. Даже те двое, которых Ян Ихай едва удерживал, вырвались и умчались на занятия.

Ян Ихай, всё ещё испуганно дрожа, с благодарностью посмотрел на хозяина, но в ответ получил лишь ледяной взгляд. Он понуро поплёлся к выходу, но, проходя мимо Юй Чуцю, услышал тихий голос:

— Твой завтрак в столовой на столе. Умойся и поешь, пока не остыло.

Ян Ихай проследил за его взглядом. В главной комнате на столе стояли две накрытые миски и

корзина яиц.

Тепло разлилось в груди. Он обернулся к Юй Чуцю. Тот стоял с непроницаемым лицом, сжимая в руке бамбуковую линейку, словно грозный судья, но бить никого не собирался. Ян Ихай понимающе улыбнулся и вихрем умчался к колодцу во внутреннем дворе.

Покончив с умыванием, он устроился в столовой. Разламывая тёплую булочку и прихлёбывая рисовую кашу, Ян Ихай не сводил глаз с тонкой фигуры «старика» учителя во дворе.

Пока он гадал про себя, сколько же лет этому книжнику и зачем он носит такую нелепую бородку, дети во дворе, облизываясь, поглядывали на его завтрак.

— «Изначально природа человека добра...» Повторяйте за мной. Сяоху? — Юй Чуцю заметил, что ученик витает в облаках, и легонько коснулся его плеча линейкой.

— Да, наставник! — Сяоху выпрямился, как струна.

— Повтори то, что я только что прочёл из «Троесловия».

— Э-э-э... — Сяоху почесал затылок. Он засуетился, и вдруг он выпалил на весь двор:

— Изначально природа человека — хрюшка! По натуре своей она — брюшко!

— Кха-ха-ха! — Ян Ихай поперхнулся кашей. Хлеб застрял в горле, он закашлялся, хлопая себя по груди. — Ой, мамочки, помираю...

Дети замерли, глядя на него, и тут Юй Чуцю, всегда такой серьёзный, прыснул в кулак. Сдавленный смех прорвался наружу, и вот уже учитель хохотал до слёз, схватившись за живот. Весь класс подхватил этот смех.

Поместье Юй, в котором десятилетиями царил тишина, вдруг ожило, наполнившись чистыми, звонкими голосами.

В этот момент самый маленький ученик, с двумя дорожками соплей под носом, подбежал к Юй Чуцю и, вцепившись в его подол, отчаянно закричал:

— Наставник! Мой нос сейчас вырвет!

С грохотом Ян Ихай повалился со стула вместе с кашей.

Пролетел месяц. Ян Ихай не только не собирался уезжать, но и взял на себя заботу о детях — теперь он сам разводил их по домам, избавляя Юй Чуцю от ежедневной беготни по горам.

Деревенские на удивление быстро приняли его. Всем — от мала до велика — пришёлся по душе этот солнечный юноша. Сам Ян Ихай тоже полюбил Фужун, красота которого менялась трижды на дню.

На закате он любил бегать с детьми по золотым полям рапса. Они сдували пух одуванчиков и размахивали охапками сорняков. И когда пот выступал на его лбу, он всегда видел вдалеке, на пороге поместья, Юй Чуцю. Тот выходил после приготовления ужина, поправлял широкие рукава и смотрел на поле, отыскивая взглядом его фигуру.

А когда в домах зажигались огни, Ян Ихай загонял учителя в кабинет проверять тетради. Сам же убирал со стола, а поздно ночью засыпал прямо на краю рабочего стола Юй Чуцю, глядя, как в колеблющемся свете свечи проступает его худощавое, сосредоточенное лицо.

Юй Чуцю не гнал его, но за каждым обедом незаметно перекладывал в миску гостя лишнее яйцо или пододвигал поближе тарелку с мясом. Ян Ихай каждый раз замечал это, сердито смотрел и возвращал блюдо на место.

— Я... я не люблю мясо, — заикаясь, лгал Юй Чуцю, не смея поднять глаз.

«Благородный муж правдив, а низкий человек вечно кривит душой», — всплывали в его голове слова Конфуция. Книжник мучился вопросом: считается ли ложью обман во благо?

— Я тоже не люблю мясо! Раз не хочешь его — ешь яйцо!

Пока Юй Чуцю предавался философским раздумьям, Ян Ихай уже отправил кусок еды ему в рот. В итоге они всегда делили всё пополам. Юй Чуцю вздыхал: законы гостеприимства в его доме окончательно пошли прахом. Но глядя, как Ян Ихай с аппетитом уплетает рис, расплываясь в глупой, довольной улыбке, он и сам невольно начинал улыбаться.

На рассвете, когда небо только начинало светлеть, Юй Чуцю просыпался под крик петуха. Потирая глаза, он первым делом смотрел на пустой стул рядом. Тот, кто спал здесь, уже исчез.

Книжник потягивался, и с его плеч на пол соскальзывал чей-то длинный халат, бережно брошенный на него глубокой ночью.

<http://bllate.org/book/17540/1700194>